

Эрнст Юнгер

б и б л и о т е к а

к л а с с и к и

Эрнст Юнгер

Ernst Jünger

В стальных грозах

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
Ю50

Серия «Библиотека классики»

Ernst Jünger

IN STAHLGEWITTERN

Перевод с немецкого *А. Анваера*
под редакцией *Н. Федоровой*

Серийное оформление и дизайн обложки *В. Воронина*

Юнгер, Эрнст.

Ю50 В стальных грозах : [военные дневники] / Эрнст Юнгер ; [перевод с немецкого А. Анваера]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Библиотека классики).

ISBN 978-5-17-163386-8

«В стальных грозах» — одно из самых известных произведений о Первой мировой войне, соединившее в себе черты художественной литературы, философии и мемуаристики.

Книга возникла из дневниковых записей, которые Юнгер вел на протяжении всей войны. Наполненная не только фактами, переданными с присущей автору математической точностью, но и впечатлениями, оставившими неизгладимый след в памяти, она стала его личной историей войны. Как писал сам Юнгер: «Я не ставлю себе цель живописать о героях, я хочу рассказать не то, как могло быть, а как было в действительности».

Книга выдержала 14 переизданий, текст каждый раз претерпевал многочисленные правки, которые отражали меняющиеся с годами историко-философские взгляды автора, по-новому осмысливающего опыт войны.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Klett-Cotta - J.G. Cotta'sche Buchhandlung
Nachfolger GmbH, Stuttgart, 1920, 1961, gegr. 1959
© Перевод. А. Анваер, 2024

ISBN 978-5-17-163386-8 © Издание на русском языке AST Publishers, 2025

Посвящается павшим

В МЕЛОВЫХ ОКОПАХ ШАМПАНИ

Эшелон прибыл в Базанкур, маленький городок в Шампани. Мы выгрузились. Не веря своим ушам, с почти благоговейным трепетом вслушивались в тягучие такты железного громохання фронта, в мелодию, которой на долгие годы суждено стать нашей обыденностью. Вдалеке в сером декабрьском небе растекался белый шар шрапнели. Повеяло дыханием сражения; оно заставило нас содрогнуться от странного чувства. Догадывались ли мы, что наступают дни, когда очень многих из нас поглотит нараставший до раскатистого грома рокот фронта — одних раньше, других позже?

За плечами мы оставили университетские аудитории, школьные парты, верстаки и за считанные недели боевой подготовки сплотились в огромное, воодушевленное целое. Выросшие в эпоху надежного мира и спокойствия, все мы тосковали по необычному, по великой опасности, и война опьянила нас. Мы выступали в поход, осыпаемые дождем цветов, нас дурманил аромат роз и запах крови. Ведь война одарит нас величием, силой, торжеством. Она представлялась нам мужским делом, веселой перестрелкой на цветущих, окропленных кровью лугах. «Нет смерти прекраснее

в мире...»¹ Ах, только бы не остаться дома, только бы нам позволили участвовать!

— Поотделенно в колонну становись!

Трудный марш по глинистой почве Шампани быстро унял разгоряченную фантазию. Ранец, подсумок и винтовка давили на плечи свинцовой тяжестью.

— Короче шаг! Задним подтянуться!

Наконец мы добрались до места отдыха 73-го пехотного полка, деревни Оренвиль, одного из убогих населенных пунктов тех мест — пять десятков домов, сложенных из кирпича или известняка и теснившихся возле окруженной парком господской усадьбы.

Для глаз, привыкших к порядку городов, деревенская улица выглядела совершенно чуждо. Лишь кое-где мелькали немногочисленные, робкие, оборванные штатские; повсюду одетые в поношенную форму солдаты с обветренными, по большей части бородатыми лицами; они либо неторопливо куда-то брели, либо кучками стояли в дверях домов, приветствуя нас, новоприбывших, солеными шутками. В подворотне, источая запах горохового супа, дымила полевая кухня, окруженная разносчиками пищи и дребезжанием котлов. Казалось, жизнь здесь течет довольно тупо и медленно. Это впечатление только усугублялось видом ветшающей деревни.

Ночь мы провели в огромном амбаре, а наутро начштаба полка, обер-лейтенант фон Бриксен, распределил нас по подразделениям. Я попал в девятую роту.

Первый день на войне не обошелся без инцидента, который произвел на нас неизгладимое впечатление.

¹ Цитата из стихотворения немецкого поэта Якоба Фогеля (1584 — ок. 1640).

Мы сидели в отведенной нам на постой школе, завтракали. Как вдруг неподалеку ударила череда глухих сотрясений, а из всех домов высыпали солдаты и бросились к въезду в деревню. Мы последовали их примеру, толком не зная зачем. Над нами снова грянул незнакомый вибрирующий шум, утонувший в оглушительном грохоте. Меня поразило, что люди вокруг, словно страхась какой-то ужасной угрозы, на бегу пригнулись, втянув голову в плечи. Все это казалось немного смешным — люди вели себя совершенно непостижимо.

Сразу после этого на опустевшей деревенской улице появились темные группки, тащившие черные свертки на брезентовых носилках или на скрещенных в замок руках. Со странно гнетущим ощущением нереальности, я неотрывно смотрел на окровавленного человека с безвольно повисшей неестественно согнутой ногой; он непрерывно хрипло кричал: «Помогите!», будто неминуемая смерть уже схватила его за горло. Человека унесли в дом, над входом которого вился на ветру флаг Красного Креста.

Что это было? Война показала свои когти и сбросила дружелюбную маску. Так загадочно, так безлично. Едва ли кто-нибудь думал в тот миг о противнике, о таинственном коварном существе, скрытом где-то там, вдалеке. Доселе невиданное событие произвело настолько сильное впечатление, что понять взаимосвязи стоило немалых усилий. Происшедшее поразило нас, как явление призрака при ярком полуденном свете.

Один снаряд разорвался наверху, у ворот замка, обрушив в их створ тучу камней и осколков, как раз

когда напуганные первыми выстрелами обитатели устремились к выходу. Тринадцать убитых, в том числе военный дирижер Гебхард, хорошо мне знакомый по публичным концертам на набережной Ганновера. Привязанная лошадь учуяла опасность раньше людей, за несколько секунд до взрыва она вырвалась на волю и, не получив ни одной царапины, галопом поскакала во двор замка.

Хотя обстрел мог повториться в любую минуту, неодолимое любопытство тянуло меня к месту несчастья. Рядом с тем местом, куда ударил снаряд, болтался щиток, на котором какой-то остряк написал: «У снарядного угла». Значит, и до этого было известно, что замок при артобстреле наиболее опасен. На улице краснели большие лужи крови; кругом валялись пробитые каски и поясные ремни. Тяжелые железные ворота замка изрешечены осколками, придорожная тумба забрызгана кровью. Все это магнитом притягивало мой взгляд, и одновременно во мне происходила глубокая перемена.

В разговоре с товарищами я заметил, что у многих этот инцидент уже здорово поубавил воинственное воодушевление. О том, что он сильно подействовал и на меня, говорили слуховые галлюцинации, превращавшие дребезжание проезжающей телеги в смертельно опасный вибрирующий свист шального снаряда.

Впрочем, оно преследовало нас всю войну, это вздрагивание от каждого внезапного и неожиданного шума. Грохотал ли проезжающий мимо поезд, падала ли на пол книга, раздавался ли среди ночи крик — сердце на мгновение замирало в предчувствии большой и неведомой опасности. Ничего удивительного,

ведь четыре года мы пребывали в густой тени смерти. При каждом нарушении обыденности это предчувствие, таившееся в глубокой тьме бессознательного, выскакивало наружу в образе смерти, словно предохраняющий привратник, — как в часах, над циферблатом которых в окошке ежечасно появляется смерть с песочными часами и косой в руках.

Вечером того же дня настала долгожданная минута: мы с полной выкладкой выступили на боевую позицию. Через развалины деревни Бетрикур, казавшиеся в сумерках фантастическим видением, дорога вывела нас к одинокому, скрытому в ельнике дому лесничего, «Фазанарию», где располагался полковой резерв, куда до этой ночи входила и девятая рота под командой лейтенанта Брамса.

Нас встретили, распределили по отделениям, и уже вскоре мы очутились в окружении бородатых, перемазанных глиной парней, которые приветствовали нас с известной долей благодушной иронии. Нас спрашивали, как дела в Ганновере и не знаем ли мы, скоро ли кончится война. Потом разговор, к которому мы жадно прислушивались, превратился в однообразный обмен короткими репликами об окопах, полевой кухне, участках траншей, артобстрелах и других делах позиционной войны.

Через некоторое время перед дверью лачуги, служившей нам квартирой, послышалось: «Становись!» Мы выстроились поотделенно и по команде «Заряжай! На предохранитель!» с тайным наслаждением вставили в магазин обойму боевых патронов.

Потом все шло в молчании, один за другим, словно наугад, вперед по ночной, испещренной темными

перелесками местности. То и дело гремели одиночные выстрелы, яркими кометами, шипя, взлетали ракеты, после коротких, призрачных вспышек которых тьма казалась еще гуще. Монотонное дребезжание винтовок и саперных лопаток нарушил предупредительный оклик:

— Внимание, проволока!

Потом вдруг лязг падения и брань:

— Дьявол, хоть бы предупредил, что воронка!

Вмешивается капрал:

— Тихо, черт побери! Думаете, у француза уши дерьмом залеплены?

Дальше марш ускоряется. Неизвестность ночи, мерцание трассирующих пуль, тягучие вспышки винтовочного огня вызывают возбуждение, странным образом поддерживающее бодрость. Временами слышится холодный тонкий свист наугад выпущенной пули и стихает вдаль. Как часто после того первого раза я в наполовину меланхолическом, наполовину взвинченном состоянии шагал по мертвой местности к передовой!

Наконец мы нырнули в один из ходов сообщения, которые белыми змеями вились в ночи к позициям. Там я, одинокий и озябший, очутился меж двух стен, напряженно всматриваясь в раскинувшийся перед линией окопов еловый перелесок, где воображение рисовало мне всякие тени, меж тем как то одна, то другая шальная пуля с шумом пробивала листву и со свистом летела наземь. Единственное разнообразие в эту бесконечную тягомотину внес пришедший за мной старший товарищ, и вместе с ним я поплелся на выдвинутый вперед пост, где мы снова занялись

тем же — наблюдением за ничейной полосой. Два разрешенных часа я, совершенно измученный, пытался забыться сном в этой голой меловой яме. Когда забрезжило утро, я был бледен и перемазан глиной, как и все; казалось, я живу этой кротовьей жизнью уже много месяцев.

Позиции полка извилистой линией пролегали в меловом грунте Шампани напротив деревни Ле-Года. Справа эта линия примыкала к искореженному взрывами перелеску, Снарядному лесу, далее зигзагом шла через громадные поля сахарной свеклы, где яркими пятнами виднелись красные штаны убитых французов, и заканчивалась у ручья, за которым начинались позиции 74-го полка; связь между полками обеспечивали ночные патрули. Ручей с шумом падал с запруды разрушенной мельницы, окруженной угрюмыми деревьями. Уже много месяцев его воды текли по черным пергаментным лицам погибших солдат французского колониального полка. Жуткое местечко, особенно по ночам, когда луна, проглядывая в разрывы облаков, создавала причудливые тени, а к журчанию воды и шелесту камыша примешивались диковинные звуки.

Служба была тяжелой и утомительной. Жизнь начиналась с наступлением сумерек, когда всему личному составу надлежало стоять в окопах. С десяти вечера до шести утра солдаты каждого отделения спали в очередь по двое, так что всяк мог за ночь насладиться двухчасовым сном, хотя из-за ранней пробудки, поисков соломы и других мелких дел эти два часа большей частью превращались в короткие минуты.

Караульную службу несли либо в траншее, либо в одиночных укрытиях, связанных с основной пози-

цией длинными и глубокими ходами сообщения; эти укрытия создавались ради безопасности, но, как выяснилось, в позиционной войне они были как раз опасны, и вскоре от них отказались.

Нескончаемые, изнурительные ночные караулы можно было кое-как выдержать в ясную погоду и даже в мороз, но они становились сущим мучением, когда шел дождь, а он сыпался с неба почти весь январь. Когда влага пропитывала натянутую на голову плащ-палатку, а потом шинель и форму и часами текла по телу, настроение катастрофически падало, и улучшить его не могли даже чавкающие по грязи шаги смены. Рассвет освещал утомленные, перепачканные мелом фигуры с бледными лицами, которые, стуча зубами, валились на гнилую солому в протекавших блиндажах.

Ох уж эти блиндажи! Просто открытые в траншеи, вырубленные в мелу ямы, прикрытые сверху слоем досок и присыпанные землей. После дождя с этой «крыши» в блиндаж еще долго капала вода, немудрено, что черный юмор снабдил их табличками с соответствующими надписями: «Сталактитовая пещера», «Мужская купальня» и проч. Если там устраивались на отдых несколько человек, они поневоле выставляли ноги в траншею, и все мимоходом о них спотыкались. В такой ситуации поспать и днем толком не получалось. К тому же на два часа мы заступали в дневной караул, а кроме того, чистили окоп, ходили за едой, кофе, водой и так далее.

Понятно, непривычная жизнь давалась нам очень тяжело, в особенности оттого, что большинство из нас в прежней жизни знали о настоящем физическом труде только понаслышке. Вдобавок на передовой нас

встретили без той радости, на какую мы рассчитывали. Бывалые старики пользовались любой возможностью изрядно нас «помуштровать», и каждое скучное или неожиданное поручение неизбежно доставалось нам, «юным добровольцам». Впрочем, этот прихваченный из казарм на войну обычай, отнюдь не поднимавший нам настроение, исчез после первого совместного боя, когда мы тоже стали считать себя «стариками».

Время, когда роту переводили в резерв, было ненамного лучше. Отдыхали мы в «Фазанарии» или в лесу, в землянках, крытых еловым лапником; пропитанный гнилью пол хотя бы распространял приятное тепло. Иной раз там можно было проснуться в луже дюймовой глубины. До тех пор я знал ревматизм только по названию, но всего через несколько дней пребывания в этой вечной сырости ощущал боль во всех суставах. Во сне мне чудилось, будто в конечностях перекатываются вверх-вниз железные шары. Здесь ночью тоже не спали, а углубляли многочисленные ходы сообщения. Если француз не светил ракетами, то идти приходилось в полной темноте, буквально наступая на пятки идущему впереди, иначе будешь потом до утра блуждать в лабиринте траншей. Впрочем, обрабатывать грунт было легко: мощный меловой пласт, скрытый под тонким слоем глины и перегноя, легко поддавался ударам кирки. Порой кирка выбивала сноп зеленоватых искр — когда сталь натыкалась на вкрапления кристаллов железного колчедана, большие, размером с кулак. Они состояли из множества сплавленных в шар кубиков, сколы которых блестили как золото.

Просветом в невыносимом однообразии было ежевечернее появление полевой кухни на опушке переле-